

НАДЕЖДА РУНОВА

ЦАРИЦА,
КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

КНИГА 2

ПО ЭТУ СТОРОНУ
СТЕНЫ

Надежда Рунова

**"Царица, которой не было.
По эту сторону стены"**

«Автор»

2026

Рунова Н.

"Царица, которой не было. По эту сторону стены" / Н. Рунова —
«Автор», 2026

Два года, отделявшие Евдокию Лопухину от монастыря, почти позади. Но судьба царицы по-прежнему не решена. Василиса уже изменила слишком многое, чтобы просто ждать решения Петра. Лечебницы растут, открываются школы, появляются новые специалисты. Но чем успешнее её начинания, тем больше желающих взять их под контроль. Теперь приходится бороться не только за новые возможности, но и за право распоряжаться тем, что она создала. Пётр поддерживает жену, однако всё чаще смотрит на её дела глазами государя. При дворе множатся интриги, а каждое новое решение меняет расстановку сил. Василиса помнит, какой должна была стать история. Но события всё дальше отходят от знакомого пути. Сможет ли она сохранить своё место рядом с Петром и защитить будущее, которое начала строить? ** Вторая книга цикла «Царица, которой не было». **

© Рунова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Капитошка	6
ГЛАВА ВТОРАЯ. Кого учить	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первый набор	20
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Первый урок	28
ГЛАВА ПЯТАЯ. Тот, кто останется	35
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Стеклянная трубка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Надежда Рунова
"Царица, которой не было.
По эту сторону стены"

НАДЕЖДА РУНОВА
ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
Книга 2
ПО ЭТУ СТОРОНУ СТЕНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Капитошка

Щенок появился во дворце раньше Петра.

Сначала из перехода донёсся женский крик, потом мужская ругань, следом что-то тяжёлое ударилось о стену, и Василиса отложила письмо, которое читала уже второй раз. К нему всё равно придётся вернуться.

За без малого три года она научилась довольно точно различать дворцовые происшествия по звуку. Разбитую посуду обычно сопровождало виноватое молчание, драку служителей — топот нескольких пар сапог, приезд важного человека — хлопанье дверей и внезапная суета. Сейчас по коридору явно двигалось нечто небольшое, быстрое и совершенно не признававшее установленного порядка.

Аксинья Тимофеевна, сидевшая у окна над хозяйственной книгой, тоже подняла голову.

— Коли опять Нафани, я его нынче сама на кухню отнесу.

Гусь, переживший за последние месяцы две попытки отправить его туда по официальному назначению, продолжал жить при хозяйственном дворе, кусать незнакомых людей и появляться там, где государственному гусю находиться не полагалось.

— Нафани бегает тяжелее, — сказала Василиса.

Из перехода раздался детский смех. Аксинья закрыла книгу.

— Царевич.

— Тогда точно что-то живое.

Дверь распахнулась прежде, чем стоявшая возле неё Мавра успела отойти. Алексей влетел в комнату раскрасневшийся, с растрёпанными волосами и следами мокрого снега на сапогах.

— Матушка! Там собака!

Василиса ещё только собиралась спросить, откуда во внутренних покоях взялась собака, когда из-за двери показался маленький длинноногий щенок бело-рыжей масти. За ним вошёл Меншиков, державший в руке оборванный кожаный поводок.

— Государыня, — сказал он, переводя дыхание, — подарок решил не дожидаться дарителя.

Щенок увидел Василису и остановился всего на несколько секунд. Потом задние лапы разъехались на гладких досках, он нелепо сел, поднялся, снова поскользнулся и решительно направился к ней, будто вся предыдущая часть пути была придумана исключительно ради этой встречи.

Василиса не сразу опустила руку.

Белая полоса шла от лба к носу. Правое ухо было почти полностью рыжим, левое — белым с маленьким пятном у основания. Лапы казались слишком большими для худого тела, а хвост двигался так быстро, что задняя половина щенка заметно покачивалась вместе с ним.

Она знала такую морду. Память вернула другую квартиру: старый зелёный диван, который отец несколько лет собирался выбросить и не выбрасывал, потому что Антошка любил спать возле правого подлокотника; миску под батареей, мокрые следы в прихожей, мамин голос из кухни: «Василёк, вытри за своим чудовищем». Потом — шерсть на школьной форме, уши на её коленях, тёплый бок под ладонью и слишком яркий свет ветеринарной клиники. Всю дорогу домой мать держала её за руку, хотя Василисе было уже семнадцать и она трижды попросила перестать.

Щенок подошёл ближе и ткнулся влажным носом в край её юбки.

Пальцы Василисы сами нашли место за ухом. Шерсть была мягче, чем она ожидала. Щенок немедленно прижал голову к ладони и зажмурился.

— Матушка, он твой, — сообщил Алексей. — Батюшка сказал.

— Батюшка много чего говорит, — отозвалась Акси́нья, внимательно рассматривая мокрые следы на полу.

Меншиков улыбнулся.

— В этот раз государь велел передать совершенно точно.

— И где сам государь?

— Сейчас будет. Щенка хотели оставить во дворе, пока он не закончит разговор с Куракиным. Щенок решил иначе.

— Он перегрыз поводок? — спросила Василиса.

— Почти. Остальное сделал царевич.

Алексей возмутился:

— Я только отвязал узел.

— После чего подарок государыне попытался познакомиться с конюшней, кухней и двумя караульными.

— Он маленький.

— Один караульный теперь знает, что размер зубов не всегда соответствует размеру собаки.

Щенок тем временем поставил передние лапы Василисе на колени.

Она сняла его на пол, но почти сразу подняла снова. Щенок оказался удивительно тёплым и знакомо устроился на руках. Он облизал ей подбородок.

Алексей рассмеялся.

— Он тебя поцеловал.

— У него очень свободные представления о придворном этикете.

— Его можно научить.

— Сначала надо выяснить, чему он уже научен.

Василиса перевернула щенка на руках и осмотрела лапы. Когти короткие, подушечки чистые, живот тёплый. Она раздвинула шерсть возле уха, проверяя кожу.

Акси́нья смотрела на неё всё внимательнее.

— Вы собак прежде держали?

Рука Василисы задержалась.

Вопрос был простой. За эти годы таких вопросов стало меньше, но они по-прежнему иногда возникали там, где она не успевала подготовить ответ.

— В детстве была одна.

Акси́нья ничего не сказала. Она давно научилась не спрашивать о воспоминаниях, которых не узнавала.

Алексей немедленно заинтересовался:

— Какая?

— Почти такой же масти.

— Большая?

— Когда выросла — довольно большая.

— Как звали?

Василиса погладила щенка по голове.

— Антошка.

Она произнесла имя спокойнее, чем ожидала. Только пальцы сильнее сжали шерсть возле шеи.

Алексей ничего необычного не заметил.

— Почему Антошка?

— Мне было семь лет. В семь лет хорошие объяснения именам не обязательны.

— А этому можно Антошка?

Щенок лизнул ей палец. Василиса покачала головой.

— Этому нужно своё имя.

Дверь снова открылась.

Пётр вошёл быстро, как всегда, будто даже по собственным комнатам перемещался между двумя срочными делами. На кафтане осталась снежная влага, волосы возле висков были мокрыми, на пальцах правой руки темнели чернила. После смерти Ивана Алексеевича возле него стало больше людей, бумаг, просьб и поклонов. Сам Пётр от этого только ускорился. За последние недели Василиса несколько раз ловила себя на том, что видит мужа чаще среди писцов и офицеров, чем за общим столом.

Сегодня он первым делом посмотрел на щенка.

— Убежал всё-таки.

— Его освободили, — сказал Меншиков.

— Кто?

Алексей поднял руку. Пётр усмехнулся.

— Значит, соучастник найден.

Он подошёл ближе и остановился напротив Василисы.

— Нравится?

Василиса провела пальцами вдоль белой полосы на морде.

— Очень.

— Ты чего?

Василиса ещё раз провела пальцем по щенячьему уху.

— У меня собака такая была. Давно.

Он бросил короткий взгляд на Аксиныю, потом снова на жену.

— Я не помню.

— Ты и не должен.

Пётр явно хотел спросить ещё, но Алексей уже тянул его за рукав.

— Батюшка, он будет у матушки жить?

— Ей подарил.

— Значит, будет.

— Если матушка его не отдаст псарям.

Василиса прижала щенка ближе.

— Даже не надейся.

Пётр улыбнулся. Получилось быстро и почти мальчишески, как бывало рядом с новой пушкой, корабельной моделью или удачно сделанным инструментом.

— Вот теперь подарок удался.

— Ты специально выбрал гончую?

— Почему?

— Тебе полезно иметь существо, которое бежит быстрее тебя и не слушается с первого раза.

— А второе такое существо в доме зачем?

Пётр понял не сразу и рассмеялся уже после короткой паузы.

— Меня тебе никто не дарил.

— Вот поэтому вернуть некуда.

Алексей тоже засмеялся, хотя смысл уловил только частично. Щенок решил, что общее веселье относится к нему, вывернулся из рук Василисы и прыгнул на пол.

Через минуту выяснилось, что государев подарок обладает редкой способностью находить именно те предметы, которые трогать запрещено. Сначала он схватил край полотенца у Мавры, потом утащил под лавку Алексеев пояс, после чего обнаружил на низком столе свёрнутую бумагу.

— Нет, — сказали они почти одновременно.

Щенок замер с уголком бумаги во рту.

Пётр шагнул первым. Щенок воспринял это как начало игры и бросился прочь.

— Стой!

— Он знает это слово? — спросила Василиса.

— Сейчас узнает.

Пётр погнался за собакой вокруг стола. Алексей немедленно присоединился. Меншиков попытался перекрыть проход, но щенок проскользнул между его ногами. Бумага волочилась по полу.

— Что там хоть было? — спросила Василиса.

Пётр, не прекращая преследования, ответил:

— Роспись по корабельному лесу.

— Тогда ловите быстрее. Если он съест пару дубов, Воронеж не заметит.

Щенок выскочил из-под стола и налетел на подол Аксины. Та спокойно наклонилась, взяла его за шкирку и вынула бумагу из пасти.

— Государство спасено.

Пётр остановился, переводя дух.

— Надо было просто не бегать, — заметила Аксиныя и передала ему мокрую роспись.

Меншиков отвернулся, пряча усмешку.

— Читать ещё можно.

— Край съеден.

Пётр недовольно разгладил бумагу. Василиса протянула руки, и щенок сразу потянулся к ней.

— У него имя есть? — спросила она.

— У псаря был Рыжик. Но ты, вижу, уже против.

Пётр сел на край стола и сложил руки на груди.

— Тогда называй.

Алексей подвинулся ближе. Даже Аксиныя оторвалась от книги.

Василиса посмотрела на щенка.

Антошка тоже когда-то был таким — длиннолапым, неловким и совершенно уверенным, что весь дом существует ради него.

Щенок зевнул и положил морду ей на запястье.

— Капитошка.

Пётр моргнул.

— Капитошка? — переспросил Пётр. — Откуда ты такие имена берёшь?

— В голове много лишнего, — сказала Василиса и дала щенку обнюхать ладонь Алексея.

Алексей попробовал:

— Капитошка.

Щенок поднял ухо.

— Слышит! — обрадовался мальчик.

— Он слышал звук, — сказал Пётр.

— Значит, имя хорошее.

Алексей опустил на колени.

— Капитошка, ко мне.

Щенок посмотрел на него, потом на Василису и остался на месте.

— Не слушается.

Василиса улыбнулась.

Пётр задержался дольше, чем обычно. Корабельная роспись лежала возле локтя, люди наверняка ждали его в соседних комнатах, но вместо этого он расспрашивал псаря, которого наконец нашли, чем кормить щенка и когда начинать выводить его на настоящий след. Псарь

отвечал подробно, всё время оглядываясь на маленькую собаку в руках царицы, словно ожидал, что государыня сейчас передумает и вернёт животное туда, где ему полагалось расти.

— Спать где будет? — спросил Пётр.

— У меня.

Аксинья резко подняла голову.

— Нет.

— Почему?

— Собака в опочивальне.

— Именно.

— На постели будет.

— Не будет.

Аксинья посмотрела на неё тем взглядом, которым когда-то встречала предложения открыть зимой окно.

— Будет.

Василиса оглянулась на щенка.

— Капитошка, ты слышал? Тебя заранее оклеветали.

Щенок чихнул.

— Сознался, — сказала Аксинья.

Пётр рассмеялся, но улыбка быстро сошла. Он взял роспись, разгладил помятый угол.

— Завтра уеду в Преображенское с утра.

— Надолго?

— Посмотрю.

Это «посмотрю» означало что угодно от одного дня до недели.

— Корабли?

— Корабли. Люди. Лес. Денег опять мало.

— Их всегда мало.

— Потому что все хотят получать.

— Наблюдение государственного масштаба.

Он посмотрел на неё поверх бумаги.

— В Воронеж тоже поеду скоро.

Вот теперь её рука остановилась на спине щенка.

После второго Азовского похода разговоры о флоте перестали быть мечтами Петра и превратились в государственное дело. Люди, дерево, железо, деньги уходили на юг всё плотнее. Пётр мог исчезнуть на недели, вернуться ночью, привести с собой десять новых людей и ещё до завтрака потребовать выполнить то, для чего вчера не существовало ни приказа, ни мастеров.

— Когда поедешь?

— Как будет готово. Скажу заранее, коли сумею.

Василиса не особенно на это рассчитывала: утренние решения Петра к вечеру нередко устаревали.

Пётр задумался.

— Иногда вечером я решаю правильно.

— Иногда люди узнают об этом, когда ты уже в седле.

Меншиков тихо сказал:

— Это правда.

Пётр повернул голову.

— Ты ещё здесь?

— Уже уйду.

— Вот и иди.

Меншиков поклонился Василисе, подмигнул Алексею и действительно исчез за дверью.

Пётр снова посмотрел на жену.

— Алёшку на лето хочу чаще брать с собой.

Мальчик замер возле щенка. Василиса медленно поставила Капитошку на пол.

— Куда?

— В Преображенское. Иногда на верфи. Пусть видит, как люди работают.

— Видеть — пожалуйста. Только за бревнами и порохом проследи. Ты в его годы вытворял такое, что мне до сих пор вспоминать страшно.

— Я-то вырос, — возразил Пётр, но Василиса от этого спокойнее не стала.

Алексей переводил взгляд с одного родителя на другого.

Пётр нахмурился.

— Мужчина должен видеть дело.

— Должен. Поэтому пусть видит мастеров, расчёты, корабли, людей, которые строят. А не проверяет лично, взорвётся ли бочка, если поднести свечу.

— Я такого не делал.

Василиса посмотрела на него. Пётр помолчал.

— Не в шесть.

— Очень успокоил.

Алексей осторожно поднял руку.

— Я не буду подносить свечу.

— Вот видишь, — сказал Пётр.

— Потому что теперь знает, что была такая идея.

— Не было идеи.

Капитошка в это время нашёл шнурок на сапоге государя и начал старательно его развязывать.

Пётр опустил глаза.

— Убери.

— Сам подарил.

— Он сапог ест.

— Познаёт устройство вещей.

— Пусть познаёт твои.

— Мои ему не нравятся.

Щенок потянул сильнее, и узел поддался.

Алексей захлопал в ладоши.

Пётр наклонился, поймал Капитошку под живот и поднял на уровень лица.

— Слушай сюда. Царский сапог не трогать.

Щенок лизнул его в нос. Василиса прикрыла рот ладонью.

— Даже не смей.

— Лицом смеёшься.

Пётр поставил собаку на пол и вытер нос рукавом.

Разговор ушёл в обычные дела: Алексей показывал отцу новые строки, написанные под надзором Кариона, Василиса жаловалась на ошибки в расходных книгах, Пётр обещал прислать человека, который умел считать, и получил ответ, что таких людей ей лучше присылать сразу пачками.

К обеду он всё-таки ушёл. У самой двери остановился и обернулся.

— Дуня.

— Что?

— Собака правда нравится?

Василиса посмотрела на Капитошку. Щенок уже заснул возле ноги Алексея, положив голову ему на сапог.

— Правда.

— Тогда хорошо.

Пётр кивнул и вышел.

Вечером Капитошка отказался спать в корзине.

Аксинья подготовила ему место возле печи, положила старое шерстяное покрывало и даже принесла небольшую подушку, которую прежде использовали для ног. Щенок внимательно изучил всё предложенное, дождался, пока женщины отойдут, и отправился к кровати Василисы.

Первая попытка забраться наверх закончилась падением.

После второй он сел на пол и заскулил.

— Даже не думайте, — сказала Аксинья.

Василиса лежала под одеялом и снова держала в руках утреннее письмо.

Капитошка заскулил.

— Он вас уже приучает, — предупредила Аксинья.

— Ему три месяца.

— Достаточно.

— Он маленький.

— Вы через неделю сами это повторите, когда он съест покрывало.

Василиса опустила письмо. Щенок сидел возле кровати и смотрел на неё.

Антошка в первую ночь делал точно так же. Она помнила, как опустила руку с кровати и маленький холодный нос ткнулся в ладонь. Через несколько часов она проснулась на полу, потому что решила лечь рядом с коробкой, чтобы щенок не плакал. Отец утром нашёл их обоих и ещё месяц рассказывал всем родственникам, что дочь окончательно переселилась к собаке.

Василиса села. Аксинья вздохнула.

— Я знала.

— Ничего ты не знала.

— Достаточно знаю.

Она подняла Капитошку и поставила на кровать сама.

— Только утром не говорите, что я разрешила.

Щенок тут же свернулся возле ног. Василиса снова взяла письмо из Аптекарского приказа. Бумаги требовалось больше, денег — тоже, а двое людей из приказа предлагали сократить обучение тех, кто не происходил из служилых семей.

Она прочитала эту строку ещё раз, достала чистый лист и положила рядом.

Капитошка завопил у неё в ногах, перевернулся на другой бок и тихо вздохнул.

Василиса написала наверху:

«Об учениках».

ГЛАВА ВТОРАЯ. Кого учить

Утром оказалось, что желающих лечить людей в Москве больше, чем людей, способных прочесть надпись на склянке.

Анна Зиберт сообщила об этом ещё до завтрака, положив перед Василисой раскрытую книгу так осторожно, будто сама бумага была в чём-то виновата.

— Двенадцать человек за последние две недели, — сказала она. — Пятеро читают сносно. Трое считают так, что я готова доверить им деньги. Двое умеют и то и другое.

Василиса перестала размешивать мёд в чашке.

— Из двенадцати?

— Я тоже пересчитала.

— Дважды?

— Трижды. Потом решила, что четвёртый раз положения не исправит.

Аксинья, сидевшая по другую сторону стола, отломил кусок хлеба и посмотрела на Анну с одобрением. Женщины за последние годы научились понимать друг друга без лишних церемоний, особенно когда речь шла о чужой глупости.

Василиса придвинула книгу.

Таблица была составлена рукой Анны: имена, возраст, откуда присланы, что умеют, где прежде служили. Несколько строк помечены сбоку маленькими крестиками.

— Это что?

— Те, кого Марфа хочет оставить.

— А читать они умеют?

— Один.

— Из скольких?

— Из четырёх.

Василиса подняла голову. Анна развела руками.

— Я предупреждала, что вам не понравится.

— Марфа где?

— Уже там. И сердится.

— На кого?

— Пока на всех.

Аксинья вздохнула.

— Значит, утро идёт как обычно.

До лечебных комнат они дошли через полчаса.

Когда Василиса впервые пыталась устроить здесь хоть какое-то подобие порядка, ей казалось победой уже то, что грязное бельё перестали складывать рядом с чистым, а использованные инструменты начали кипятить до того, как ими касались следующего больного.

Теперь возле стены стояли два больших закрытых ларя для полотна. На одном была выжжена простая метка, понятная даже тем, кто не умел читать, на другом — другая. Медные тазы хранились отдельно. В углу остывал котёл, в котором кипятили перевязочный материал. Над столом висела доска с перечнем того, сколько мыла, уксуса, свечей и полотна ушло за неделю.

Когда-то такую строку Василиса исправляла бы сама.

Теперь Анна прошла мимо доски, мельком посмотрела на цифры и подозвала помощницу.

— Здесь вчера два куска мыла записаны дважды.

Девушка покраснела.

— Я исправлю.

— Не исправишь. Перепишешь строку и поставишь рядом знак, что прежняя была ошибочной. Иначе через месяц никто не поймёт, куда делось ещё два куска.

Она сказала это спокойно и пошла дальше.

Василиса догнала её уже возле дальней комнаты.

Марфа Митрофанова стояла у стола, закатав рукава, и показывала молодой женщине, как правильно накладывать повязку на деревянную болванку, обмотанную старой тканью.

— Сильнее тянешь — пальцы посинеют, — говорила она. — Слабее — всё сползёт раньше, чем больной до двери дойдёт. Ещё раз.

Ученица распустила ткань. Марфа заметила Василису.

— Доброе утро, государыня.

По её лицу было видно, что доброго в этом утре она пока не обнаружила.

— Анна говорит, ты хочешь оставить четверых.

— Пятерых.

Анна остановилась.

— В книге четыре.

— Пятую я сегодня посмотрела.

— Она читать умеет?

— Она человека видит.

Анна закрыла глаза.

— Марфа.

— Что Марфа? Мне лекарь нужен или писец?

— Если она не прочитает, что ей дали, она однажды человека этим и убьёт.

Марфа повернулась к ученице.

— Покажи.

Девушка, которой на вид было лет семнадцать, снова начала накладывать повязку. Пальцы двигались уверенно, без суеты. Она придерживала ткань ровно там, где нужно, не перетягивала и не выпускала конец.

Марфа дождалась, пока та закончит.

— Хорошо. Теперь вон ту склянку принеси.

Девушка подошла к полке.

На ней стояли пять одинаковых тёмных бутылей с бумажными ярлыками.

Она остановилась.

Василиса увидела, как уверенность исчезла из движений. Девушка провела пальцем по первой надписи, потом по второй, будто могла угадать слово по длине.

— Какая? — тихо спросила она.

— Та, что я сказала.

— Я помню.

— Тогда бери.

Девушка не двинулась. Марфа тяжело вздохнула.

— Вот.

Она повернулась к Василисе.

— Руками умеет. Глаза есть. Голова работает. Буквы не знает.

— Совсем?

— Имя своё нарисовать может.

Девушка опустила глаза.

— Как тебя зовут и откуда ты? — спросила Василиса.

— Федосья. Из Замоскворечья. Отец был плотником, умер, а мать стирает полотно для купеческого двора.

Василиса посмотрела на её повязку.

— Почему сюда пришла?

Федосья замаялась.

— Марфа Митрофановна в прошлом году мать лечила. Я помогала. Она потом сказала, руки у меня хорошие.

Марфа буркнула:

— Я сказала, что руки не совсем бестолковые. Это другое.

У девушки дрогнули губы. Василиса подошла к полке.

— Если я покажу тебе, что написано на каждой, запомнишь?

Федосья кивнула.

— На сегодня.

— А завтра?

Ответа не было. Анна тихо постучала пальцем по своей книге.

— Вот о чём я говорю.

В соседней комнате кто-то уронил таз. Послышалось раздражённое мужское ругательство, потом голос помощника потребовал принести воды.

Марфа взяла склянку сама.

— Я её научу.

— Лечить, — сказала Анна. — А буквам кто?

Марфа ничего не ответила.

Василиса снова посмотрела на Федосью. Девушка уже вернулась к болванке и накладывала ту же повязку — медленно, внимательно, теперь без подсказки.

— Таких четверо только сейчас, — сказала Анна. — Хорошие руками. Читать почти никто не может.

Система росла. И упёрлась в людей.

— Значит, сначала надо учить читать, — сказала Василиса.

Марфа нахмурилась.

— Государыня, я повитуха.

— Я помню.

— И буквы учить не стану.

— Значит, найдём того, кто станет.

Анна перестала листать книгу.

— Вы хотите брать их до обучения при службе?

— Да. Сначала грамота и счёт. Потом дело.

Марфа посмотрела на Федосью.

— Это уже школа.

Василиса потёрла большим пальцем пятно чернил на краю книги.

Вчера вечером это слово выглядело просто. Сегодня перед ней стояла девушка, которая могла правильно перевязать руку и не могла прочитать название склянки.

— Похоже, школа.

Птицын появился через четверть часа.

Его вызвали потому, что всякий раз, когда у Василисы появлялась идея, требовавшая помещения, людей и денег, рано или поздно в дверь входил Иван Птицын с выражением человека, которого лично оскорбило существование арифметики.

Он выслушал Анну, проверил её цифры, потом сам прошёл по книге.

— Значит, двенадцать пришли, пятеро читают, трое считают, двое умеют оба дела.

— Да, — сказала Анна. — И четверых Марфа хочет оставить, несмотря на то, что они читать не умеют.

— Пятерых, — поправила Марфа.

Птицын поднял на неё глаза.

— Пятой в книге нет.

— Теперь будет.

— Тогда Анна Гавриловна её запишет, и она появится для государства.

Марфа открыла рот.

— Не начинайте, — сказала Василиса.

Птицын невозмутимо вернулся к книге.

— Что вы хотите сделать?

— Научить тех, кто нам нужен, читать и считать до того, как они попадут к лекарям.

Птицын выслушал до конца и только тогда спросил:

— Где учить, кто будет учить и за чей счёт?

— Первых двух ответов пока нет. Третий я как раз хочу получить от тебя.

Птицын медленно закрыл книгу.

— Я так и думал.

Марфа отвернулась, пряча улыбку.

— Для начала пятнадцать человек, — сказала Василиса.

Птицын покачал головой.

— Для начала посчитаем, что можно сделать с пятнадцатью.

— Хорошо.

Он взял перо.

— Кого брать?

Василиса посмотрела на Федосью.

Та всё ещё сидела за столом и в который раз накладывала одну и ту же повязку. Марфа больше не подсказывала.

— Тех, кто способен учиться.

— Как это определить?

— Проверкой.

— Читать они не умеют.

— Значит, не чтением.

Птицын остановил перо.

— А чем?

Василиса посмотрела на Марфу.

— Чем ты понимаешь, что человек годится?

— Дай ему дело, — ответила та. — Посчитать ткань. Разложить склянки по меткам.

Повторить узел. Посмотреть, слушает ли.

Анна добавила:

— И спрашивает ли, когда не понял.

Птицын взял перо.

— Значит, отбирать тех, кто пока не умеет читать, по тому, способен ли научиться.

— Да.

— Независимо от происхождения?

Василиса посмотрела на Федосью.

— Если человек может научиться и потом хорошо работать, мне всё равно, чей он сын.

— Вам.

Птицын немного помолчал.

— Государство состоит из людей, которым обычно не всё равно.

— Они могут отказаться.

— Могут.

— Тогда их место займут те, кто согласится.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Вот эта часть им особенно понравится.

— Я не собираюсь обещать, что понравится.

Птицын положил перо.

— Тогда вам нужен государь.

Пётр пришёл вечером.

Василиса собиралась идти к нему сама, но сообщение отправить не успела. Он появился после заката, принёс с собой холод с улицы и пачку бумаг, перевязанных шнуром.

Капитошка вылетел ему навстречу первым.

За сутки щенок уже усвоил, что сапоги Петра обладают редким сочетанием доступности и запретности, и немедленно попробовал схватить один за край.

Пётр отодвинул ногу.

— Опять ты.

Капитошка радостно завилял хвостом.

— Он скучал, — сказала Василиса.

— Он вчера меня ел.

— Возможно, поэтому и скучал.

Пётр посмотрел на неё.

— Ты сегодня добрая.

— У меня к тебе дело.

— Вот теперь понятно.

Он снял кафтан и передал его Мавре.

На столе уже лежали книга Анны и тот самый лист, который Василиса начала вечером. Пётр сразу заметил их.

— Что строим?

— Пока ничего.

— Значит, скоро будем.

Он сел. Василиса придвинула книгу Анны.

— Службе помощи не хватает людей.

— Дай больше денег.

— Если бы деньги умели читать, я бы так и сделала.

Пётр поднял глаза.

— Объясняй.

Она рассказала.

Не про школу сначала. Про Федосью. Про двенадцать новых учеников. Про Марфу, которая выбирает людей по рукам и голове, а потом обнаруживает, что половина из них не может самостоятельно прочитать запись.

Пётр перелистнул страницу.

— Раньше вы как обходились?

— Брили тех, кто уже хоть что-то умел. Таких мало.

— Дворянских детей больше бери.

— Они не все хотят лечить людей. А заставленный ученик — не лучший лекарь.

— Зато выучится.

— Может быть. Но мне нужны те, у кого и голова работает, и желание есть.

Пётр снова посмотрел на записи.

— И что придумала?

— Учить раньше.

— Чему?

— Читать. Писать. Считать.

Он отложил книгу.

— Ты хочешь открыть школу.

— Для начала.

Пётр посмотрел на неё поверх стола.

— Вот это мне уже не нравится.

— Почему?

— Потому что «для начала» у тебя обычно означает, что через полгода понадобится ещё три дома и денег вдвое больше, чем было сначала.

— Пока даже одного дома нет.

— Это меня и тревожит.

Капитошка под столом начал грызть ножку стула. Пётр наклонился, отцепил его и поставил рядом.

— Для кого школа?

— Для тех, кто потом нужен службе помощи. Детей приказных, посадских, ремесленников. Стрелецких, солдатских. Если придут дворянские — для них тоже.

Пётр перестал держать щенка за ошейник.

— Вместе?

— Учиться могут вместе.

— И ты думаешь, дворяне спокойно посадят сына рядом с сыном плотника?

— Нет.

— Тогда почему начинаешь?

Василиса провела пальцем по краю книги.

— Потому что Федосья сегодня правильно наложила повязку и потом стояла перед полкой, потому что не могла прочитать название на бутылке.

Пётр ждал продолжения.

— Если я буду брать только тех, кого уже научили дома, у меня всегда будет выбор из одних и тех же семей.

Пётр нахмурился.

— Значит, ты хочешь искать людей не там, где их привыкли искать.

— Да.

— И если сын плотника окажется способнее боярского?

— Возьму сына плотника.

— А боярин?

— Пусть сердится.

Пётр тихо усмехнулся.

— Это ты ему сама скажешь?

— Если придётся.

Он встал и прошёлся вдоль стола.

— Учитель есть?

— Ищем.

— Помещение?

— Тоже.

— То есть пока нет ни того, ни другого.

— Зато есть Федосья.

Он посмотрел на неё.

— Это не помещение.

— Я заметила.

Пётр ещё раз раскрыл книгу.

— Сколько хочешь взять?

— Пятнадцать.

— Почему пятнадцать?

— Потому что двадцать Птицын мне не даст.

— Значит, разумный человек.

— Я ему передам.

Пётр хмыкнул.

— Начни с тех, кто нужен службе помощи.

— Хорошо.

— Посмотрим, чему они научатся и останется ли от этой затеи что-нибудь кроме расходов.

— Это почти согласие.

— Это проверка.

У двери его снова настиг Капитошка.

Щенок вцепился зубами в край сапога и на этот раз успел сделать два шага вместе с Петром, прежде чем тот заметил дополнительный груз.

Пётр опустил взгляд.

— Ты его совсем не воспитываешь?

— Второй день всего.

— Алексей в два дня уже лучше слушался.

— Алексей в два дня лежал в пелёнках.

— Вот поэтому и слушался.

Он отцепил щенка и передал Василисе.

Пётр вышел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первый набор

Птицын пришёл утром, когда Василиса ещё не успела допить чай, а Капитошка уже стащил с низкой скамьи одну перчатку и устроился с ней под столом.

Перчатку щенок пока не грыз. Он лежал, прижав её передними лапами к полу, и следил за каждым, кто приближался, с таким выражением, будто вещь досталась ему по праву наследования.

— Отдай, — сказала Василиса, наклоняясь.

Капитошка сильнее прижал добычу.

— Это моя.

Хвост стукнул по полу.

— Значит, слышишь.

Щенок отвернул голову.

Аксинья Тимофеевна, убиравшая со стола блюдце с остатками мёда, посмотрела сначала на собаку, потом на Василису.

— Вчера вы говорили, что он умный.

— Умный.

— Тогда он вас прекрасно понял.

— Спасибо, Аксинья.

— Всегда пожалуйста.

Дверь открылась, и Иван Птицын вошёл с пачкой бумаг под мышкой. Увидел Василису, пытавшуюся отобрать у щенка перчатку, Капитошку с добычей и Аксинью, спокойно собиравшую посуду, однако ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Доброе утро.

Василиса выпрямилась.

— Ты можешь хотя бы сделать вид, что удивлён?

Птицын оглядел щенка под столом и отобранную перчатку.

— После последних дней это было бы неубедительно.

Аксинья отвернулась к буфету. По плечам было видно, что она смеётся.

Птицын положил бумаги на свободный край стола. Сверху лежал совершенно чистый лист.

Василиса кивнула на чистый лист.

— Уже?

— Это начало расходов, — пояснил Птицын.

Она всё-таки отобрала у Капитошки перчатку и положила её на подоконник.

— Мы вчера получили разрешение на пятнадцать учеников.

— Я помню.

— У нас ещё нет пятнадцати учеников.

— Я и это помню.

Птицын сел, достал перо и подвинул чистый лист ближе.

— Начну с помещения, — сказал Птицын. — Потом свечи, бумага, еда, дрова на зиму. Если кто останется ночевать, девиц и парней придётся разместить отдельно.

Василиса подождала, пока он закончит перечислять, и только тогда спросила, сколько всё это обойдётся.

— Пока не знаю. Потому и записываю.

Птицын невозмутимо обмакнул перо в чернила.

— Зато потом никто не спросит, почему пятнадцать человек вдруг начали есть.

— Они и без твоей книги будут есть.

— Именно это меня и беспокоит.

Капитошка выбрался из-под стола, обнюхал сапог Птицына и, не найдя в нём ничего интересного, отправился к двери.

Василиса ещё раз посмотрела на чистый лист перед Иваном.

— Хорошо. Считай.

Птицын кивнул и написал первую строку.

— Помещение.

— Только не покупай ничего.

Перо остановилось.

— Я никогда ничего не покупаю без распоряжения.

— Ты начинаешь смотреть на здания так, будто уже считаешь их окна.

— Окна тоже стоят денег зимой.

К полудню стол в одной из комнат службы помощи перестал быть похожим на место, где недавно раскладывали перевязочный материал. Анна Гавриловна принесла свою книгу, Марфа — сложенный вчетверо лист, исписанный крупным неровным почерком, Птицын устроился с краю с расчётами, а Василисе досталось место между ними.

За дверью кто-то просил горячей воды. По коридору дважды пробежала помощница с тазом. От соседней комнаты тянуло уксусом и свежим хлебом: кто-то из женщин успел перекусить и оставил на подоконнике половину каравая, завёрнутую в ткань.

Анна положила перед Василисой свой список.

— Эти уже приходили к нам или помогали при больных. Я отметила тех, кого имеет смысл позвать в первую очередь.

Строки шли ровно, одна под другой. Возраст, откуда человек, умеет ли читать, считать, кто рекомендовал. Возле некоторых имён стояли дополнительные пометки: «Запоминает быстро», «Хорошо слушает», «Не теряется при крови».

— Последнее Марфа диктовала? — спросила Василиса.

— Нет.

Марфа, перебиравшая чистые полотняные полосы, подняла голову.

— Я бы написала проще.

Василиса протянула руку.

— Дай посмотреть твой.

Марфа отдала сложенный лист.

Её список действительно был проще. Возле одного имени стояло: «руки хорошие». Возле другого: «бестолковый, но старается». У третьего: «слишком умный».

Василиса перечитала последнее ещё раз.

— Слишком умный?

— На словах. Вчера учил меня повязку класть.

Анна тихо фыркнула.

— Ему четырнадцать, — добавила Марфа. — Может, у него были новые сведения.

Марфа посмотрела на Василису так, что та сразу подняла ладони.

— Всё, молчу.

— Я его не вычеркнула, — сказала Марфа, снова берясь за полотно. — У такого хоть язык работает. Иногда это полезно.

— А иногда?

— Иногда мешает ушам.

Анна спрятала улыбку в чашке. Василиса провела пальцем по Марфиным записям.

— Этого почему зачеркнула?

— Боится.

— Крови?

— Нет. Ошибиться.

Марфа отложила полосу в стопку и взяла следующую.

— Вчера три раза переспросил, можно ли трогать больному плечо, хотя я ему сама велела. Такой, может, и хороший человек, только пока он решается, больной успеет состариться.

— Можно научить увереннее работать.

— Можно.

Марфа пожала плечами.

— Потому и не рву лист. Через месяц ещё посмотрю.

Василиса ничего не ответила. Переложила Марфин лист ближе к книге Анны и начала сверять имена.

К вечеру выяснилось, что выбрать пятнадцать человек из готового списка было бы гораздо проще, чем найти пятнадцать семей, готовых отпустить детей учиться.

— Можно написать объявление, — сказала Василиса. — В приказах, на площади, в слободах.

Птицын отложил перо.

— И кто придёт?

— Те, кто хочет учиться.

Анна закрыла чернильницу.

— Если написать, что государыня набирает учеников, придут прежде всего те, кто и так уверен, что имеет право прийти.

— А остальные?

— Могут решить, что их это не касается.

Василиса нахмурилась.

— Но мы как раз хотим иначе.

— Мы хотим, — сказал Птицын. — Они пока об этом не знают.

Василиса снова просмотрела список Марфы, потом книгу Анны и взяла отдельный лист. Первой написала Федосью.

На следующий день Василиса впервые пожалела, что решила ехать сама.

Не успела карета остановиться у небольшого двора в Замоскворечье, как возле соседнего дома появился мальчишка, потом старуха в платке, а ещё через минуту за занавеской в окне напротив явно стояли уже двое.

Аксинья, сидевшая напротив, тоже заметила.

— К вечеру будут знать пол-Москвы.

— Что именно?

— Что государыня приехала к прачке.

— Очень важная государственная новость.

— Вы смеётесь, а завтра к ней придут спрашивать, зачем.

Василиса посмотрела на дом Федосьи.

— Значит, пусть говорит правду.

— Это обычно только усиливает интерес.

Во дворе стояла длинная деревянная кадка. На натянутой верёвке сушилось бельё, хотя мороз уже прихватил края ткани, и простыни висели жёсткие, будто их вырезали из белёсой доски.

Мать Федосьи появилась на пороге, вытирая мокрые руки о передник. Увидев карету, она сначала остановилась, потом зачем-то снова вытерла руки, хотя суше от этого они явно не становились.

— Государыня...

— Не пугайтесь. Я к Федосье.

Женщина быстро оглянулась через плечо.

— Она дома. Сегодня позже к Марфе идти велено.

Василиса вошла следом.

В доме было теснее, чем в лечебных комнатах, но гораздо теплее. Возле печи стояла корзина с влажным бельём. На лавке лежало уже сложенное — рубахи, полотенца, несколько больших простыней. На стене возле двери висел старый мужской пояс. Кожа высохла и трескалась возле пряжки; судя по слою пыли на верхнем краю, его давно никто не снимал.

Федосья вышла из соседней комнаты, вытирая ладони о юбку.

В лечебных комнатах она двигалась быстрее и держалась увереннее. Здесь сначала посмотрела на мать и лишь после этого подошла к Василисе.

— Государыня.

— Марфа сказала, ты по-прежнему хочешь учиться.

У Федосьи сразу изменилось лицо.

— Хочу.

Мать у печи переставила тяжёлый таз на пол. Вода плеснула о стенку.

— А сколько времени это будет занимать?

— Вначале несколько часов в день. Пока грамота и счёт.

— Каждый день?

— Скорее всего.

Женщина провела ладонями по переднику и посмотрела на корзину.

Федосья сразу повернулась к ней.

— Мам, я утром всё успею.

— Ты утром и сейчас всё успеваешь.

— Ну и буду.

— Будешь.

Мать наклонилась и стала перебирать лежавшее сверху бельё, хотя оно и без того было сложено.

Василиса проследила за её руками. Полотенца надо было стирать, воду носить, а чужая простыня, за которую заплатят, не могла ждать, пока дочь прачки научится читать.

— Федосья много помогает?

Женщина слегка улыбнулась.

— А кто же ещё?

Потом, словно вспомнив, с кем разговаривает, выпрямилась.

— После мужа мы вдвоём.

Федосья опустила рядом с корзиной и начала перекладывать бельё на лавку — быстро, привычно, почти не глядя на руки.

— Я могу после занятий.

— Я слышу. Ты всё можешь.

— Ну могу же.

— Можешь.

Василиса присела на край лавки.

— За обучение платить не нужно.

Мать качнула головой.

— Я не про деньги.

— Я понимаю.

Женщина взяла очередную рубаху, посмотрела на неё и снова положила.

— Марфа говорит, руки у неё хорошие.

— Очень хорошие.

Федосья покраснела, не поднимая головы.

— И голова, — добавила Василиса.

— Голова у неё с детства беспокойная.

— Мам.

— Что?

Мать наконец улыбнулась.

— Ты в восемь лет разобрала отцову ловушку для мышей, потому что хотела посмотреть, как она устроена.

Федосья перестала складывать бельё.

— Я потом собрала.

— Собрала.

— И она работала.

— Только мышь после этого ловила через раз.

Федосья открыла рот, потом тоже засмеялась.

— Значит, любопытная, — сказала Василиса.

— Очень.

Мать задержала на дочери взгляд.

— Если пойдёт, что потом?

— Если справится, будет учиться дальше. При службе помощи.

— А потом работать?

— Да.

Женщина кивнула и провела большим пальцем по шву на лежащей перед ней рубахе.

— До вечера возвращаться сможет?

— Сможет.

Федосья посмотрела на Василису так быстро, что та едва не улыбнулась.

Мать это заметила.

— Не радуйся раньше времени.

— Я не радуюсь.

— Вижу.

Федосья спрятала улыбку, наклонившись к корзине.

— Иди, — сказала мать.

— Куда?

— Учиться, когда скажут. Куда ещё.

Федосья замерла с простынёй в руках.

— Правда?

— Я два раза повторять не стану.

Она снова занялась бельём, хотя теперь складывала его уже менее ровно.

Василиса сделала вид, что не замечает.

После Федосьи всё пошло совсем не так легко.

Отец мальчика из семьи дворцового служителя выслушал объяснение до конца, несколько раз переспросил, кто именно будет учить, и, услышав, что первый наставник ещё не выбран окончательно, покачал головой.

— Будет кому за учение отвечать — тогда и поговорим.

Он говорил вежливо, даже извинился за отказ, но сына не отдал.

В семье ремесленника спор длился почти час. Отец был готов, мать сомневалась, а сам мальчик всё время смотрел на дверь мастерской и наконец признался, что ему нравится работать с деревом гораздо больше, чем сидеть над буквами.

Марфа, услышав об этом вечером, пожала плечами.

— И хорошо.

— Хорошо?

— Зачем мне ученик, который через неделю будет смотреть на дверь?

— Может, втянулся бы.

Марфа затянула узел на мешке с чистым полотном.

— Может. А может, и нет. Пусть лучше дерево портит, чем людей.

На третий день отказалась мать девочки из стрелецкой семьи. Дочь читала лучше половины кандидатов, считала быстро и сама просилась на обучение, но дома было пятеро младших детей.

Василиса вышла от них, долго застёгивала перчатку, потом расстегнула и застегнула снова.

Аксинья ждала у кареты.

— Что?

— Ничего.

— Значит, отказали.

Василиса посмотрела на неё.

— Ты откуда знаешь?

— Когда соглашаются, вы выходите быстрее.

Она поправила на плечах шаль.

— Поехали?

Василиса ещё раз посмотрела на дом.

— Поехали.

К концу недели в книге Анны Гавриловны стояло девять имён. Василиса знала число наизусть, но всё равно медленно прошла пальцем по строкам.

Федосья была третьей. Напротив её имени Анна аккуратно написала: «грамоты почти не знает, счёт слабый, способности к делу хорошие». Ниже стояли сын приказного, который читал лучше остальных, стрелецкий мальчишка с плохим почерком и удивительно хорошей памятью, двое детей ремесленников, девочка из семьи служилого человека и ещё трое.

Птицын вошёл, когда Василиса дошла до конца страницы.

— Не прибавились?

— Девять. И ни одного сверх того, — сказала Василиса, не поднимая головы от списка.

— Я серьёзно.

Он пододвинул к себе книгу.

— Девять.

— Я умею считать.

— Хорошо.

Василиса подняла голову.

— Что хорошо?

— Что умеете.

— Иван.

Птицын позволил себе короткую улыбку и снова посмотрел на записи.

— Кто отказался?

Она перечислила.

Он слушал, иногда задавал один-два вопроса, потом взял свой лист расходов и сделал пометку.

— Что ты записал?

— Что на первое время питание нужно считать на девять.

— А если завтра придут остальные?

— Исправлю.

— Так просто?

— Иногда.

Он отложил перо.

— Вы почему сердитесь?

— Я не сержусь.

Птицын посмотрел на неё поверх книги.

Василиса потёрла переносицу.

— Ладно. Немного.

— Потому что не пятнадцать?

Она кивнула. Иван снова открыл расчёты.

— На девять денег хватит.

— Спасибо. Очень утешил.

— Для начала обычно полезнее иметь девять настоящих учеников, чем пятнадцать придуманных.

Василиса хотела ответить, но в коридоре послышался знакомый голос Петра.

Через несколько секунд дверь открылась.

Капитошка влетел раньше него — каким-то образом опять выбрался из внутренних покоев — и первым делом направился к Птицыновым бумагам.

Иван успел поднять лист.

— Нет.

Щенок сел и посмотрел на него.

Пётр остановился у двери.

— Уже научился читать?

— Пока только расходы портить, — сказал Птицын.

— Значит, к службе готов.

Василиса рассмеялась раньше, чем успела удержаться.

Пётр подошёл к столу и взял список.

— Девять?

— Девять.

Он прочёл имена сверху вниз.

— Остальные почему не пришли?

Василиса подвинула ему стул и начала рассказывать.

Про мальчика, который хотел остаться в мастерской. Про мать пятерых детей. Про дворцового служителя, который хотел сначала увидеть учителя. Про семьи, которым несколько часов детской работы в день были важнее будущей службы.

Пётр слушал, иногда перебивая короткими вопросами.

— Учителя когда найдёшь?

— Ищем.

— Того служителя ещё позови, когда учителя найдёте.

— Я собиралась.

— Сколько девок?

— Три.

Он снова посмотрел на список, потом вернул его ей.

— Начинай с девяти.

— А пятнадцать?

— Доберёшь.

— А если не доберу?

Пётр посмотрел на неё так, будто вопрос был странным.

— Тогда научишь девять.

Капитошка в этот момент всё-таки дотянулся до уголка Птицыновой бумаги.

Иван перехватил лист раньше, чем на нём появились зубы.

— Государыня, — сказал он совершенно серьёзно, — содержание собаки тоже пора внести в расходы.

Пётр фыркнул.

— Запиши на неё.

— На кого?

— На Евдокию.

Василиса посмотрела на мужа.

— Конечно. А сапоги, которые он съест у тебя, тоже на меня?

Пётр опустил взгляд на Капитошку, уже переключившего внимание на его шнурок.

— Это ещё посмотрим.

Птицын бережно убрал расчёты под книгу.

Василиса снова открыла список. Внизу страницы оставалось шесть пустых строк.

Она поднесла перо к первой из них, немного подумала и оставила её чистой.

Потом перевернула страницу и сверху написала дату первого занятия.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Первый урок

Первую скамью Птицын забраковал ещё до того, как её успели внести в комнату.

Двое работников замерли в дверях с длинной скамьёй — тяжёлая доска лежала на двух деревянных козлах, — и с одинаковой надеждой посмотрели на Василису. Она уже открыла рот, собираясь спросить, что с ней не так, когда Иван наклонился, провёл ладонью по краю и показал занозу длиной почти с палец.

— Обдерут руки.

— Можно зачистить.

— Можно было зачистить до того, как принести.

Работник с дальнего конца скамьи переступил с ноги на ногу.

— Так мы сейчас.

— Сейчас и зачистите.

— Иван, — сказала Василиса, — они её уже сюда донесли.

— Значит, обратно понесут быстрее. Дорогу знают.

Один из работников тихо вздохнул. Птицын услышал.

— Я тоже хотел бы, чтобы дерево становилось гладким от одного желания.

Василиса отвернулась к окну, чтобы не улыбнуться.

Комната, которую три дня назад выбрали для занятий, всё ещё больше напоминала склад, из которого торопливо вынесли лишнее. У дальней стены оставались два пустых сундука, возле печи лежали связки дров, а место бывшего шкафа выдавал светлый прямоугольник на потемневшей стене. Столы удалось собрать разные: один широкий, тяжёлый, с ящиком, второй уже и заметно ниже. Анна Гавриловна сразу сказала, что за первым можно посадить пятерых, если никто не станет толкаться, Марфа ответила, что толкаться они начнут через четверть часа, и к утру Птицын каким-то образом нашёл ещё один. На подоконнике стояли две чернильницы, перья в глиняном стакане и стопка бумаги, которую Иван уже успел пересчитать дважды.

— Ты уже второй раз пересчитываешь бумагу, — заметила Василиса.

— Потому что она закончится раньше, чем вам кажется.

— Девять учеников за день её не съедят.

— Сегодня — нет, — согласился Птицын.

Анна, раскладывавшая возле окна книги, подняла голову.

— Девять учеников не испишут столько за день.

Птицын посмотрел на стопку.

— Сегодня — нет.

— А завтра?

— Посмотрим, сколько из них переживут сегодня.

Василиса улыбнулась.

— Ты говоришь о первом уроке так, будто мы собираемся отправить их под Азов.

— Под Азовом хотя бы понятно, откуда стрелять будут.

Дверь снова открылась, и на этот раз появился Карион Истомин. За ним шёл мальчик с небольшой стопкой книг, прижатых к груди.

Истомин остановился на пороге, оглядел комнату, столы, Птицына возле бумаги, Анну с книгами и работников, уносивших обратно первую скамью.

— Я рано?

— Нет, — сказала Василиса. — Мы выясняем, может ли школа начаться без заноз.

Истомин проследил взглядом за исчезнувшей скамьёй.

— Желательно.

Он снял верхнюю одежду, отдал её мальчику и подошёл к столу.

С Алексеем Истомин был спокоен и привычно терпелив. Здесь перед ним сидели девять незнакомых людей с разной подготовкой.

Истомин попросил список учеников, быстро прошёл девять имён и задержался на пометках Анны.

— От тринадцати до девятнадцати. Один почти свободно читает, другой едва складывает буквы, а у Федосьи прямо написано: «грамоты не знает».

— Сегодня начнём со всеми вместе, — сказала Василиса. — Дальше скажешь ты.

Он посмотрел на неё.

— Царевича я знаю с детства. Знаю, где он ошибался неделю назад и на какой строке начнёт смотреть в окно. Здесь у меня девять незнакомых людей. Сначала надо понять, что каждый умеет.

— Для этого они и пришли.

Истомин ещё раз посмотрел на список.

— Тогда к вечеру, возможно, придётся разделить их.

Птицын тихо отодвинул к себе чистый лист.

— Новый расход?

— Пока нет, — сказала Василиса.

— Тогда я подожду.

Птицын перестал писать.

— Насколько разделить?

— Пока комнату можно оставить одну, — сказал Истомин.

— Не помогай ему, — сказала Василиса.

Ученики начали приходить раньше назначенного часа.

Первым появился сын приказного, худой шестнадцатилетний мальчик по имени Семён. Он остановился у двери, поклонился всем сразу и долго не решался сесть, пока Анна не показала ему место. За ним пришли двое братьев из ремесленной семьи, хотя учеником был только старший: младшего мать послала проводить и, судя по его лицу, строго велела убедиться, что брата действительно оставили учиться, а не забрали неизвестно куда.

Марфа обнаружила мальчишку в коридоре спустя десять минут.

— Ты зачем здесь?

— Мама сказала посмотреть.

— Посмотрел?

Мальчик ещё раз заглянул в комнату.

— Сидит.

— Тогда иди домой и доложи.

Он послушно ушёл. Марфа вошла в комнату.

— Проверку прошли.

Василиса, помогавшая Анне разложить бумагу, едва удержала серьёзное лицо.

Федосья появилась почти последней. Остановилась на пороге, увидела уже сидевших учеников и сразу схватилась за завязки передника, которого на ней сегодня не было. Пальцы несколько секунд искали привычный край ткани, потом она убрала руки за спину.

— Иди сюда, — позвала Марфа. — Пока место не заняли.

Федосья села рядом с девочкой из семьи служилого человека. Та была младше, лет четырнадцати, и держала перед собой перо с таким вниманием, будто ей доверили хирургический инструмент.

— Его пока можно положить, — сказала Анна.

Девочка осторожно положила перо на стол.

Оно тут же покатилося. Федосья поймала его у самого края.

— Спасибо.

— Не за что.

К назначенному часу все девять были на месте. Василиса обвела взглядом столы. Почти взрослый парень с руками плотника сидел рядом с двумя девочками, которые старались занимать как можно меньше места; худой Семён уже разглядывал приготовленный лист, мальчишка с обкусанными ногтями прятал руки под столом. Остальные переглядывались, изучали книги, стены, друг друга и дверь, через которую ещё совсем недавно каждый входил отдельно.

Истомин встал перед ними.

— Начнём с простого.

Птицын, стоявший возле двери, тихо сказал Василисе:

— Обычно после этих слов становится сложно.

Она толкнула его локтем. Истомин взял первый лист.

— Кто умеет читать?

Поднялись четыре руки. Потом пятая, неуверенно.

— Хорошо. Кто умеет писать?

Рук осталось три.

— Считать?

Теперь поднялись почти все. Марфа хмыкнула.

— Деньги считать умеют.

Истомин посмотрел на неё.

— Это уже начало.

Первым он вызвал Семёна.

Мальчик прочёл предложенный отрывок быстро, почти без ошибок. Истомин остановил его на середине.

— Что прочёл?

Семён замолчал.

— Повтори своими словами.

Он нахмурился и снова посмотрел на текст.

— Своими.

Мальчик начал сначала, сбился, покраснел.

Марфа, стоявшая возле окна, тихо сказала:

— Вот тебе и самый грамотный.

Истомин услышал, но не отреагировал. Он задал Семёну два вопроса, попросил найти нужную строку и отпустил на место.

Следующей была Федосья.

Она подошла к столу медленнее, чем обычно подходила к больным.

Истомин положил перед ней лист.

— Что здесь?

Она наклонилась почти вплотную.

— Буквы.

— Какие знаешь?

Федосья назвала несколько. Ошиблась на четвёртой.

Исправилась. Пятую не знала.

Позади кто-то шевельнулся на скамье, и Василиса увидела, как Федосья сильнее сжала край юбки.

Истомин перевернул лист.

— Ладно. Сколько здесь кружков?

Он поставил на бумаге несколько небольших отметок.

Федосья посчитала быстро.

— Семь.

— Если два убрать?

— Пять.

— Если добавить ещё три?

— Восемь.

— Хорошо.

Он подвинул к ней маленькую дощечку.

— Нарисуй мне восемь.

Федосья взяла мел и быстро нарисовала восемь ровных кружков.

— Теперь три зачеркни.

Она зачеркнула.

— Сколько осталось?

— Пять.

Истомин кивнул.

— Садись.

Федосья вернулась на место, всё ещё сжимая мел в руке.

— Мел, — шепнула соседка.

Федосья посмотрела на пальцы, быстро встала и отнесла его обратно.

Василиса поймала взгляд Марфы.

Та ничего не сказала, только чуть повела подбородком в сторону Федосьи.

Истомин дошёл до последнего ученика только к полудню.

К этому времени выяснилось, что девочка из семьи служилого человека медленно читает, зато запоминает почти всё услышанное; старший сын ремесленника знает буквы хуже младших, но умеет измерять доску, рассчитывать, сколько материала понадобится, и не может объяснить, откуда получает правильный ответ.

— Я просто вижу, — сказал он, когда Истомин спросил в третий раз.

— Что видишь?

Мальчик замялся.

— Ну... сколько.

Птицын оживился.

— Это полезное умение.

Василиса повернулась к нему.

— Даже не думай забирать ученика в свои книги.

— Я только смотрю.

— Ты на здания тоже только смотришь.

— И очень внимательно.

К обеду Истомин разделил бумаги на три стопки.

В первой лежали имена тех, кто уже мог читать и писать. Во второй — тех, кто знал буквы, но с трудом складывал слова. В третьей осталось двое.

Федосья была среди них.

Она сидела тихо, глядя на сложенные перед Истоминим листы. За всё утро несколько раз улыбнулась соседке, один раз ответила Марфе и дважды помогла собрать упавшие перья, но теперь её пальцы снова нашли край юбки.

Василиса подошла ближе.

— Я хуже всех?

— В чтении — почти.

Федосья сглотнула.

— Понятно.

— А считать ты сегодня могла лучше нескольких человек из первой стопки.

Федосья посмотрела на неё.

— Но это же не грамота.

— Не грамота.

Из коридора как раз донёсся голос Птицына, выяснявшего, почему на девять учеников принесли семь деревянных ложек. Через минуту туда вышла Анна, ещё через две Марфа громко сообщила, что можно есть и руками, но только если Иван лично вымоет каждому руки.

Федосья прыснула.

— Иди, — сказала Василиса. — Пока они не начали считать ложки по второму кругу.

После еды первой начала сдавать комната. Девять человек освоились, перестали сидеть неподвижно, и теснота сразу стала заметнее. Перья падали, скамьи скрипели, кто-то просил повторить, кто-то отвечал раньше, чем Истомин успевал закончить вопрос. Самый младший дважды ходил пить воду, а в третий раз Марфа поймала его в коридоре возле лечебных комнат.

— Заблудился?

— Нет.

— Тогда зачем сюда пришёл?

Мальчик посмотрел за её плечо. Оттуда доносился плач ребёнка.

— Просто посмотреть.

Марфа заслонила проход.

— Смотреть будешь, когда скажут.

— А там что?

— Работа.

— А мы разве не для этого учимся?

Марфа несколько секунд смотрела на него, потом кивнула в сторону комнаты.

— Вот выучишься — спросишь ещё раз.

Он ушёл обратно.

Через полчаса в комнату вошла Анна и тихо позвала Марфу. Та вышла почти сразу, а через несколько минут вернулась уже с другим лицом.

— Федосья.

Девушка вздрогнула.

— Да?

— Иди со мной.

Истомин поднял голову.

— Урок ещё не закончен.

— Тогда зачем вы её забираете?

Марфа остановилась.

— В соседней комнате женщина с ожогом. Не тяжёлым. Мне нужны ещё две руки, чтобы держать ткань, пока промываю.

Истомин посмотрел на Федосью.

— Она сегодня должна учиться читать.

— А завтра?

— Тоже.

— Хорошо. Значит, сегодня на четверть часа научится держать ткань.

Василиса ждала, что он возразит. Истомин помолчал, потом убрал руку с книги.

— Четверть часа.

— Если она будет медленная — двадцать минут.

Федосья уже встала. В дверях Марфа обернулась.

— И руки вымой.

— Я знаю.

— Вот и проверим.

Они ушли. Истомин посмотрел им вслед, потом перевёл взгляд на Василису.

— Значит, у вас ученики будут то за книгой, то возле больных.

— Для этого их и учим.

Он вздохнул и подозвал следующего ученика.

Федосья вернулась через четверть часа с небольшим. Василиса мельком посмотрела на часы у стены, потом на Марфу.

Та заметила.

— Я тоже умею считать.

Федосья села на место. Щёки у неё порозовели, на рукаве осталось маленькое влажное пятно, зато край юбки она больше не теребила.

Истомин подвинул к ней лист.

— Где остановились?

Федосья показала букву.

— Эта.

— Как называется?

Она нахмурилась и некоторое время молчала, потом ответила правильно.

Истомин кивнул и перешёл к следующей.

Когда последний ученик ушёл, непривычной показалась уже сама тишина.

На столах остались крошки, обломок мела, две кляксы и перо без кончика. Птицын сразу обнаружил ещё одну неприятность: одна из новых скамей оказалась слишком высокой для младшей девочки, и та весь день сидела, едва касаясь пола носками.

— Завтра укоротим ножки, — сказал он.

— У скамьи? — уточнила Василиса.

Иван посмотрел на неё.

— У скамьи, — уточнил Иван, уже осматривая ножки.

Анна собирала листы по стопкам. Возле каждого имени появились новые пометки, теперь уже рукой Истомина.

Он сидел у окна, перечитывая свои записи.

— Ну? — спросила Василиса.

— Вы действительно хотите знать?

— Нет, я целый день ждала, чтобы вечером не спросить.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Они очень разные.

— Это я уже заметила.

— Значит, одним уроком на всех не обойдётся. Тех, кто читает, надо двигать дальше. Тем, кто знает буквы, давать другое. Двоих учить с самого начала. Счёт тоже придётся разделять.

Истомин продолжил:

— Но я не смогу быть здесь ежедневно.

Этого Василиса ожидала.

— Алексей.

— Алексей, другие занятия, книги. Я могу первые занятия вести сам, посмотреть, как пойдёт, помочь выбрать человека. Иногда приходиться проверять.

— Мне нужен тот, кто сможет остаться.

— Нужен.

Анна завязала стопку бумаг тесёмкой.

— И тот, кто не будет считать позором учить дочь прачки рядом с сыном приказного.

Истомин посмотрел на неё.

— Таких будет меньше.

— Значит, искать будем дольше, — сказала Василиса.

Птицын выпрямился.

— А платить?

Она закрыла глаза.

— Иван.

— Это важный вопрос.

Истомин засмеялся.

— Я начинаю понимать, почему вы держите его рядом.

— Я тоже иногда начинаю.

Птицын совершенно серьёзно поправил рукав.

— Приятно быть полезным.

Анна протянула ему лист.

— Тогда посчитайте ещё чернила.

— Почему?

Она показала на столы.

Две кляксы успели расползтись по бумаге, третья красовалась на рукаве Семёна, а возле дальней скамьи чернильница стояла опасно близко к краю.

Птицын посмотрел на всё это, взял перо и молча добавил строку в расходы.

Василиса подошла к третьей стопке, где лежали листы Федосьи и ещё одного мальчика. На верхнем листе Истомин оставил несколько крупных букв. Рядом Федосья пыталась повторить их сама: первая получилась кривой, следующая легла почти на бок, третья была уже гораздо ровнее.

В углу листа осталось небольшое влажное пятно от её пальцев после лечебной комнаты.

Василиса провела рукой над бумагой, не касаясь её, потом вернула лист в стопку.

— Завтра во сколько? — спросила Анна.

Истомин закрыл книгу.

— В тот же час.

Птицын посмотрел на испорченное перо, кляксы и скамью.

— Я приду раньше.

— Зачем? — спросила Василиса.

Он поднял оставленную работниками пилу.

— Чтобы никто больше не учился, не доставая ногами до пола.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Тот, кто останется

На следующий день Птицын действительно пришёл раньше всех. Скамья уже стояла у стены, и девочка, ради которой укоротили ножки, теперь могла поставить ноги на пол.

Василиса успела только проверить, не качается ли она, когда в дверях появился Истомин. Сегодня он пришёл один.

— Доброе утро.

Птицын первым посмотрел ему за плечо.

— Где учитель?

Истомин снял шубу.

— Придёт через час.

— Хорошо.

— Вы уже считаете ему жалованье?

— Пока хочу увидеть человека.

Истомин усмехнулся.

— Разумно.

Первым из учеников снова пришёл Семён. На этот раз он не остановился у двери, а сразу направился к вчерашнему месту, положил на стол небольшой свёрток и только потом поклонился.

Анна Гавриловна вошла следом и заметила его первой.

— Что принёс?

Семён развернул ткань. Внутри лежали три пера.

— Отец дал. Сказал, если тут много ломают, пригодятся.

Птицын поднял голову.

— Пригодятся.

Анна взяла одно перо, проверила кончик ногтем.

— Оставляй все.

Семён кивнул и убрал ткань в карман.

Следом появилась девочка, которой вчера укорачивали скамью. Она остановилась возле неё, посмотрела на сиденье, потом на Птицына.

— Это мне?

— Всем.

Девочка села и поставила ноги на пол. Несколько раз пошевелила носками сапог, словно проверяя, не исчезнет ли пол снова.

— Теперь достаю.

Иван продолжал писать.

— Вижу.

Она ещё немного посидела, потом тихо сказала:

— Спасибо.

Перо Птицына остановилось.

— Пожалуйста.

Анна, раскладывавшая книги у окна, ничего не сказала.

К началу занятия собрались все девять. Федосья пришла с мокрыми от снега концами платка, долго развязывала узел под подбородком, потом поставила возле ног небольшой мешочек.

Соседка заглянула.

— Что там?

— Хлеб.

— Нам же дают.

Федосья пожала плечами.

— Мама сказала, пусть будет.

Она затянула мешочек и задвинула его под скамью.

Истомин открыл книгу.

— Начинаем.

Сегодня ученики уже знали свои места, поэтому первые минуты прошли заметно громче вчерашних. Семён показывал соседу, как точить перо, один из мальчиков принёс такое толстое, что с трудом удерживал его пальцами, а Федосья шёпотом повторяла девочке рядом вчерашнюю букву.

Марфа услышала.

— Как называется?

Федосья посмотрела на знак.

— Сейчас вспомню.

— Вспоминай.

Истомин поднял глаза.

— Марфа Митрофановна.

— Что?

— Я сегодня веду урок.

— Ведите.

Она спокойно прошла дальше. Федосья спрятала улыбку.

Человек, которого Истомин привёл на место постоянного учителя, появился, когда Семён читал вслух второй отрывок.

Это был сухощавый мужчина лет сорока, в добротном тёмном кафтане, с аккуратной бородой и руками человека, который гораздо чаще держал книгу, чем инструмент. Он остановился у двери, снял шапку и некоторое время слушал, не перебивая.

Истомин заметил его первым.

— Гаврила Никифорович.

Мужчина поклонился Василисе.

— Государыня.

— Проходите.

Он вошёл, положил шапку на свободный край стола и снова повернулся к Семёну.

Тот сразу сбился.

— Продолжай, — сказал Истомин.

Семён продолжил, но теперь читал осторожнее и хуже, чем минуту назад.

Гаврила Никифорович дождался конца отрывка и только потом посмотрел на остальных учеников. На двух девицах его взгляд задержался немного дольше.

Истомин дал Семёну сесть.

— Вот примерно так.

— Подготовка разная, — сказал гость.

— Очень.

— Давно учатся?

— Второй день, — ответил Птицын.

Гаврила Никифорович посмотрел на него, потом снова на учеников.

Василиса указала на свободный стул.

— Садитесь. Нам нужен человек, который сможет вести занятия каждый день.

Мужчина сел, оставив шапку на столе.

— Карион говорил.

— И что думаете?

— Грамоте обучить можно. Письму тоже.
— Хорошо.
Он ещё раз посмотрел на сидевших за столами.
— Только дальше придётся разделять.
— Почему?
— У мальчиков одно дело, у девиц другое.
Марфа у дальней стены перестала складывать полотенце.
Василиса заметила это, но не повернулась.
— Какое дело у Федосьи?
Гаврила Никифорович посмотрел на девушку.
— У этой?
— Да.
— По дому помогать. При больных женщинах, если вы их для того собираете.
— Вчера она была при больной женщине.
Федосья медленно опустила руки на колени.
— А сегодня сидит здесь, потому что не умеет читать.
Мужчина немного помолчал.
— Государыня, я не говорю, что грамота девицам не нужна.
— Я слышу.
— Но дальше каждому полезнее учиться по своему положению.
Василиса посмотрела на Семёна, потом на старшего сына ремесленника.
— Один сын приказного, другой ремесленник. Их тоже будете учить разному?
Гаврила Никифорович поджал губы.
— По нужде. И по умению.
— Вот с умения и начнём.
Гаврила Никифорович положил ладонь на шапку.
— Боюсь, я не тот человек, которого вы ищете.
Истомин кивнул.
— Похоже, что так.
Мужчина поднялся.
— Прошу простить, государыня.
— Не за что. Вы сразу сказали, как будете учить.
Он поклонился, забрал шапку и вышел.
Дверь закрылась. Марфа положила полотенце на полку.
— И хорошо.
Василиса повернулась к ней.
— Что хорошо?
— Что сразу выяснилось.
Птицын посмотрел на дверь, потом на свой чистый лист.
— Учителя по-прежнему нет.
— Спасибо, Иван.
— Я только уточнил.
Федосья всё ещё смотрела на дверь.
Истомин подошёл к её столу и постучал пальцем возле строки.
— Какая буква?
Она опустила глаза.
— Эта?
— Эта.
Федосья назвала её правильно.

— Следующая.

Занятие продолжилось.

После обеда Истомин ушёл к Алексею, пообещав вернуться на следующий день. Постоянного учителя по-прежнему не было.

— Я могу один вечер и одно утро, — сказала Анна.

Птицын посмотрел на неё.

— Утром у вас выдача полотна.

— Передам дежурной.

— Тогда записываю.

— Ещё нужен кто-то на письмо и счёт, — сказала Василиса.

Анна ответила сразу:

— Роман Хлебников.

Птицын поднял голову.

— Может подойти.

— Позовём.

Роман Хлебников пришёл через час и остановился у двери так, будто не был уверен, что имеет право пройти дальше без нового приглашения.

В одной руке он держал шапку, в другой — несколько листов, которые, судя по всему, захватил с собой прямо из приказа. Худошавый, аккуратный, он и сейчас умудрялся занимать возле косяка гораздо меньше места, чем позволяла дверь.

— Государыня.

— Роман, проходи.

Он сделал несколько шагов и сразу заметил учеников.

— Мне сказали, вы звали.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь учил?

Роман моргнул.

— Чему?

— Читать.

— Нет.

— Писать?

— Показывал младшим.

— Считать?

Он посмотрел на Птицына.

— Я ошибся где-то в книгах?

Иван нахмурился.

— Нет.

Роман заметно расслабился, хотя и не совсем.

— Тогда зачем я здесь?

Василиса показала на столы.

— Нам нужен человек, который поможет с письмом и счётом. Пока Истомин не найдёт постоянного учителя.

Роман снова посмотрел на учеников.

— Я не учитель.

— Поэтому сначала попробуешь.

Анна подошла со списком.

— Вот эти трое уже читают. С письмом хуже.

Роман взял лист двумя руками.

— А что с ними делать?

— Для начала посмотри, как пишут.

Он ещё несколько секунд стоял, потом осторожно сел на свободное место.
Перед ним оказался Семён. Тот выпрямился.

— Напиши своё имя, — сказал Роман.

Семён взял перо и написал. Роман наклонился ближе.

— Ещё раз.

— Зачем?

— Эта буква выше остальных.

— Она у меня всегда такая.

— Тогда её всегда стоило бы исправлять.

Семён нахмурился.

— У отца так же.

Роман помедлил.

— Тогда отцу тоже стоило бы исправить.

Птицын кашлянул и отвернулся к окну.

Роман поднял на него глаза, явно не понимая причины.

— Что?

— Ничего.

Он снова занялся Семёном.

Следующие полчаса прошли неожиданно спокойно. Роман говорил негромко и почти не отходил от стола. Показывал, где слабее нажимать на перо, как оставлять расстояние между словами, почему числа удобнее писать одно под другим.

Когда девочка из семьи служилого человека уронила каплю чернил на лист, она сразу накрыла её ладонью.

— Не надо, — сказал Роман.

Она отдернула руку. Он протянул кусок ткани.

— Промокни. Не три.

Девочка осторожно прижала ткань к пятну.

— Так?

— Да.

Клякса осталась, но больше не расползлась.

— Бумагу выбрасывать?

Роман посмотрел на лист.

— Зачем?

— Испортила.

— Здесь ещё половина чистая.

Она кивнула и продолжила писать рядом с пятном.

Птицын, стоявший у окна, на секунду встретился взглядом с Василисой и снова посмотрел на учеников.

Когда занятие закончилось, Роман сразу начал собирать принесённые бумаги.

— Сможешь приходить? — спросила Василиса.

Он замер.

— Каждый день — нет.

— Сколько?

Роман перебрал в уме дни.

— Два утра точно. Иногда вечером, если в приказе отпустят.

Птицын посмотрел в своё расписание.

— Два утра можно поставить сразу.

— Хорошо.

Роман всё ещё выглядел немного ошеломлённым тем, что разговор закончился так быстро.

— Значит... приходить?

— Приходить, — сказала Василиса.

Он кивнул. Анна положила рядом с Птицыным свой лист.

— У меня один вечер и одно утро.

— Записал.

— Покажите.

Птицын подвинул расписание.

Она пробежала глазами строки и вернулась к ученикам. К вечеру комната снова опустела.

На столах осталось меньше клякс, зато кто-то забыл кусок хлеба возле чернильницы, и Анна сразу переставила его на подоконник.

Федосья задержалась дольше остальных. Мать велела ей вернуться до темноты, но она никак не могла закончить строку, которую Роман просил переписать ещё раз.

— Федосья, — позвала Анна. — Домой.

— Сейчас.

— Ты это уже говорила.

— Я почти.

Она вывела последнюю букву, посмотрела на неё, сморщилась и потянулась за новым листом.

Роман, уже надевший кафтан, подошёл к столу.

— Оставь.

— Кривая.

— Завтра сделаешь лучше.

— А если нет?

— Тогда послезавтра.

Федосья подняла на него глаза.

— А если и послезавтра нет?

Роман немного подумал.

— Тогда я буду очень несчастным человеком.

Она засмеялась.

— Иди домой.

Федосья убрала лист в стопку, завязала платок и направилась к двери. Уже на пороге вспомнила про мешочек, вернулась за ним и снова выбежала в коридор.

Через мгновение дверь приоткрылась.

— До завтра!

— До завтра, — отозвалась Анна.

На этот раз дверь закрылась окончательно.

Птицын сидел у края стола и переписывал расписание набело. Напротив имени Анны стояли утро и вечер, возле Романа — два утра, рядом с Истоминым — дни, когда он мог приходить после занятий Алексея.

Внизу оставалась одна незаполненная строка.

— Это что? — спросила Василиса.

— Постоянный учитель.

— Которого у нас нет.

— Поэтому строка пустая.

Роман, застёгивавший кафтан, посмотрел через плечо.

— А я тогда кто?

Птицын обмакнул перо в чернила.

— Временный расход.

Роман несколько секунд смотрел на него.

— Я всё-таки не учитель.

Анна протянула ему забытый лист.

— Завтра утром объясните это Семёну.

Он взял бумагу и, спрятав её вместе с остальными, ушёл.

Анна собрала книги, надела перчатки и уже собиралась следом, когда Птицын поднял голову.

— Анна Гавриловна.

Она обернулась.

— Завтра раньше не приходите.

— Почему?

— Выдачу полотна утром возьму на себя.

Анна сняла одну перчатку.

— Вы не знаете, кому сколько выдавать.

— У меня есть ваша книга.

— Там не всё записано.

Птицын молча подвинул к ней чистый лист.

Анна посмотрела на него, потом сняла вторую перчатку и вернулась к столу.

— Хорошо. Тогда сначала запишите: для перевязочной чистое полотно лежит отдельно.

Его нельзя считать вместе с тем, что идёт в обычные комнаты.

Птицын взял перо.

— Сколько?

— Я как раз пытаюсь объяснить, что не всегда одинаково.

Через минуту они уже спорили о том, можно ли заранее рассчитать недельный расход ткани, если число больных каждую неделю меняется.

Василиса забрала с края стола забытый мел, положила его рядом с чернильницами и вышла, оставив их разбираться с полотном.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Стекло́нная трубка

Анастасия Поповская появилась в службе помощи вместе с мокрым сундуком, двумя связками сушёных трав и просьбой принести горячей воды.

К тому времени, когда Василиса дошла до лечебных комнат, просьба успела превратиться в спор.

— Воду дам, — говорила Марфа, стоя возле печи, — только сначала пойму, зачем она тебе. Ты ко мне с полсундуком трав пришла.

Незнакомая женщина тем временем развязывала мокрую тесёмку на рукаве.

— Травы в воде топить не собираюсь. Руки хочу вымыть.

Марфа велела помощнице нести воду.

За стеной Роман объяснял кому-то из учеников, что расстояние между словами должно быть меньше расстояния между Москвой и Киевом. Ответа Василиса не разобрала, зато услышала смех Федосьи.

Аксинья, шедшая рядом, замедлила шаг возле двери.

— У вас теперь в одной половине лечат, в другой смеются.

— Это плохо?

— Пока никто не перепутал комнаты — хорошо.

Василиса отдала ей перчатки и вошла.

Сундук стоял прямо посреди прохода. Под ним натекла небольшая лужица, которую помощница пыталась поймать тряпкой, а возле стены лежали две тяжёлые связки, пахнувшие полынью, сушёными яблоками, мятой и чем-то терпким, незнакомым. Хозяйка всего этого добра стояла над тазом, закатав рукава почти до локтей. Один край тёмной юбки промок в дороге, сапоги были забрызганы до щиколоток, зато небольшая деревянная коробка, отложенная на стол, оставалась сухой и была тщательно завёрнута в ткань.

Закончив с руками, женщина взяла чистое полотенце и только тогда поклонилась.

— Государыня.

Русский у неё был свободный, хотя некоторые слова звучали мягче московских.

Анна Гавриловна развернула полученную накануне записку.

— Анастасия Поповская. Эберхард прислал из слободы. Пишет, что принимала роды, работала при больных и некоторое время была при лазаретах.

— При каких-то была, при каких-то просто мешалась под ногами. В Кракове начинала у повитухи, потом были Львов, Данциг, Кёнигсберг, Прага. В Италии задержалась дольше всего. Где позволяли — училась, где не позволяли — смотрела. Бумаги кое-какие тоже есть, если вам важны бумаги.

Она указала на сундук, но Марфа уже развязывала одну из связок.

— А это что?

— Нижний мешок лучше не трогайте. Там кора раскрошится.

Марфа тут же полезла именно к нижнему, и Анастасия лишь отодвинула от её локтя деревянную коробку.

Анна тем временем дочитала записку до конца.

— Здесь ещё немецкий и латынь.

— По-немецки говорю. Латынь читаю медленно. По-итальянски объяснюсь, французский лучше понимаю, чем говорю.

Марфа, занятая мешочками, хмыкнула:

— Больным это часто требуется?

— Больным — редко. Лекарям и книгам — чаще.

Из соседней комнаты снова донёсся Роман:

— Федосья, эту букву мы вчера уже писали. Почему она опять смотрит в другую сторону?

— Я помню, как её писать! — возразила девочка.

— Там действительно школа? И девочек тоже берут? — спросила Анастасия.

— Пока одна комната, девять учеников, из них три девочки, и слишком много бумаги, — сказала Василиса.

Анастасия сложила полотенце и положила его возле таза.

— Про это мне в слободке и рассказывали. Так рассказывали, будто здесь происходит что-то очень опасное.

— У нас всё опасное начинается с бумаги, — сказала Анна.

— И заканчивается расходами, — добавила Василиса.

Договорить они не успели. В коридоре заторопились шаги, и в комнату вошла помощница.

— Марфа Митрофановна, мальчика привели. С ночи жар, мать говорит, утром хуже стал. Марфа уже завязывала раскрытый мешок.

Анастасия не пошла следом и только спросила:

— Можно посмотреть?

— Посмотреть можно. Руки уже вымыла.

Мальчику было лет десять, и мать привела его закутанным так плотно, что из-под двух платков виднелись только красные щёки и кончик носа.

— Ему холодно, — сказала женщина, когда Марфа стала снимать верхний платок.

— Его знобит.

— Он сам говорит, что холодно.

— Пусть говорит. А вы его пока не варите.

Мальчик слабо улыбнулся. На узкой койке он выглядел ещё меньше: губы пересохли, волосы возле висков намокли от пота. Марфа приложила ладонь ко лбу, попросила показать горло, потом расспросила, когда ел, сколько пил ночью и не болит ли живот. Мать несколько раз пыталась отвечать за сына, пока Марфа не подняла ладонь.

— Он у вас говорить перестал?

Женщина наконец дала мальчику ответить самому.

Анастасия всё это время оставалась возле стола. Деревянную коробку она держала при себе, но открыла её только после того, как Марфа закончила осмотр и поправила больному одеяло.

— Теперь можно?

— Показывай, что принесла.

В сложенной ткани лежала длинная стеклянная трубка с округлым утолщением на конце. Внутри темнела окрашенная жидкость, сбоку шли мелкие неровные риски.

Василиса сначала просто смотрела. Потом узнала.

Белый шкафчик в ванной стоял над стиральной машиной. Мать хранила лекарства на верхней полке, хотя Василиса уже подростком спокойно туда дотягивалась. Старый градусник приходилось долго стряхивать над раковиной, потом сидеть с ним под мышкой и слушать из кухни знакомое: «Не выдумывай, что уже прошло, я тебя знаю». Однажды Василиса вытащила его раньше времени, увидела тридцать шесть и четыре и полчаса доказывала, что совершенно здорова. Мать молча стряхнула градусник ещё раз и вернула ей обратно.

— Во Флоренции?

— Да. Вы видели такие?

— Похожие.

Больше она объяснять не стала, а мальчик на койке закашлялся и избавил её от следующего вопроса.

— И что твоя трубка мне скажет? — спросила Марфа.

Анастасия осторожно вынула прибор из коробки.

— Насколько больной горяч сейчас по сравнению с тем, каким был раньше. Шкала у каждого мастера своя, поэтому разные трубки между собой лучше не сравнивать. Эту я знаю давно: утром отмечаю, куда поднялась жидкость, вечером смотрю снова.

Марфа приложила ладонь ко лбу мальчика.

— Я и так чувствую.

— Чувствуете. А вечером вспомните рукой, насколько именно горячим он был утром?

— Как мерить?

Анастасия придвинула табурет к койке.

— Долго.

Мальчик насторожился.

— Насколько?

— Настолько, что успеешь на меня рассердиться.

— Я уже могу начать?

— Можешь. Рот открой.

Мать шагнула ближе, увидев стекло.

— Он же разобьёт.

— Поэтому я держу сама.

Анастасия осторожно устроила округлый конец трубки во рту мальчика, предупредила не сжимать зубы и осталась рядом, придерживая стекло рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.